

Обстоятельства дела

В 1995 году заявителя, которому было 15 лет, задержали по подозрению в связях с РКК (Курдской рабочей партией). Несмотря на несовершеннолетие, судья суда государственной безопасности заключил его под стражу в тюрьму для взрослых на период рассмотрения уголовного дела, и ему предъявили обвинение в посягательстве на территориальную целостность государства, преступлении, каравшемся в то время смертной казнью и относившемся к компетенции суда государственной безопасности. В течение первых шести с половиной месяцев после заключения под стражу заявитель был лишен юридической помощи. Адвокат одного из его сообвиняемых уведомила суд, что она готова представлять его интересы, но не присутствовала на большинстве заседаний. Примерно через 18 месяцев после ареста из-за несоответствий в уголовном деле обвинения против заявителя изменили на членство в незаконной организации и причинение ущерба, не влекущие смертной казни. В октябре 1997 г. его признали виновным в совершении этих преступлений и осудили к лишению свободы. Однако приговор был отменен Кассационным судом по жалобе, и дело возвратили на новое рассмотрение. В связи с плохим самочувствием заявитель не участвовал во многих слушаниях. С учетом отсутствия у него адвоката его сокамерники в июле 2000 г. написали в суд письмо, разъясняющее ситуацию, с приложением справки от тюремного врача, в которой сообщалось, что заявитель направлен в психиатрическую больницу. Его состояние здоровья продолжало ухудшаться, и тюремный врач впоследствии докладывал, что в связи с серьезными психическими проблемами и двумя попытками самоубийства, при одной из которых заявитель получил сильные ожоги, он нуждается в специализированном психиатрическом лечении. После смены адвоката ему изменили меру пресечения в июле 2000 г. Психиатрическое обследование показало, что он страдает сильным депрессивным расстройством, которое развилось и обострилось в период содержания под стражей. При новом рассмотрении дела заявителя признали виновным в принадлежности к незаконной организации и приговорили к восьми с половиной годам лишения свободы. После рассмотрения жалобы приговор оставлен без изменения.

Распространенная в Турции практика предварительного заключения несовершеннолетних в тюрьмах для взрослых подвергалась критике в докла-

дах многих международных органов мониторинга, включая Комитет ООН по правам ребенка, Европейский комитет по социальным правам и Европейский комитет по предотвращению пыток. Статья 37 Конвенции ООН о защите прав ребенка устанавливает, что арест, задержание или тюремное заключение ребенка используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени, и что каждый лишенный свободы ребенок должен быть отделен от взрослых, если только не считается, что в интересах ребенка этого делать не следует. Она также гарантирует детям право на незамедлительный доступ к правовой помощи.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. (а) Вопрос о приемлемости жалобы (исчерпании внутренних средств правовой защиты). Государство-ответчик не только не продемонстрировало эффективности предлагаемых средств правовой защиты, но заявитель, при особых обстоятельствах настоящего дела, освобождается от действия указанного требования с учетом его острых проблем со здоровьем, отсутствием адекватной юридической помощи в течение значительного времени и полного пренебрежения правилами, относящимися к несовершеннолетним, со стороны суда.

Решение

Возражения государства-ответчика отклонены (принято единогласно).

(а) Существо жалобы. Заявителя заключили под стражу в тюрьму для взрослых в 15-летнем возрасте в нарушение законодательства страны и международных обязательств Турции. Там симптомы его психического заболевания возникли и обострились. После заключения под стражу заявитель провел пять лет в обществе взрослых заключенных. У него не было доступа к правовой помощи в течение первых шести с половиной месяцев, а адекватное представительство отсутствовало в течение примерно пяти лет. Эти обстоятельства, усугублявшиеся тем фактом, что в течение более чем 18 месяцев с него не снималось обвинение в преступлении, караемом смертной казнью, должны были создать для заявителя полную неопределенность и спровоцировать психологические проблемы, которые привели к неоднократным попыткам самоубийства. Национальные власти несут непосредственную ответственность за проблемы заявителя и явно уклоняются от оказания ему адекватной медицинской помощи. С учетом его возраста, длительности содержания под стражей совместно со взрослыми, необеспечения адекватной медицинской помощью и непринятием мер для предотвращения его систематических попыток самоубийства следует считать, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 3 статьи 5 Конвенции. Длительность предварительного заключения включала время между задержанием заявителя и его первоначальным осуждением и период после отмены первоначального приговора до изменения меры пресечения и составляла более чем четыре с половиной года. Заявитель сохранил статус «жертвы» для целей Конвенции, несмотря на то, что время, проведенное в предварительном заключении, впоследствии исключили из срока лишения свободы по приговору. Отсутствовал реальный публичный интерес, требующий столь длительного предварительного заключения, и нет сведений о том, что суды рассматривали альтернативные средства или использовали содержание под стражей в качестве крайней меры, как того требует законодательство страны и международное право. По крайней мере, в трех постановлениях в отношении Турции Европейский Суд установил нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи со значительно менее продолжительными периодами, чем в деле заявителя. Таким образом, длительность его предварительного заключения являлась чрезмерной.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Дело заявителя затрагивает важные вопросы, касающиеся права несовершеннолетних на эффективное участие в рассмотрении дела судом и на правовую помощь. Несмотря на юный возраст, ему первоначально предъявили обвинение в преступлении, которое в то время каралось смертной казнью и исключало рассмотрение его дела судом по делам несовершеннолетних или назначение ему защитника за счет государственных средств. Участие заявителя в разбирательстве не могло считаться эффективным, поскольку у него не было представителя при допросе в полиции, прокуратуре и суде, а из-за проблем со здоровьем он не мог присутствовать почти на половине слушаний.

Тот факт, что впоследствии у него появился представитель, не отменяет этого вывода, так как первоначально назначенный ему адвокат не участвовал в большинстве заседаний, и заявитель оказался полностью лишен юридической помощи на решающей конечной стадии повторного разбирательства дела, до того, как второй адвокат принял на себя его защиту. Европейский Суд признает, что при обычных условиях государство не может нести ответственность за действия адвоката обвиняемого, кроме случаев, когда таковой назначен в порядке правовой помощи и явно не исполняет функции эффективного представительства. Однако, хотя он принял к сведению, что первый адвокат не был назначен в таком порядке, представляется, что многие другие обстоятельства дела заявителя: его возраст, тяжесть предъявленных ему обвинений, очевидное отсутствие надлежащего представительства со стороны первого адвоката и частое отсутствие заявителя на заседаниях суда, – должны были убедить суд, рассматривавший его дело, в том, что ему срочно требуется адекватное представительство. Отсутствие адвоката усугубило последствия невозможности заявителя эффективно участвовать в рассмотрении дела и нарушило его право на справедливое разбирательство.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд присудил выплатить заявителю 45 000 евро в качестве компенсации причиненного ему морального вреда с учетом особо серьезных обстоятельств и природы множественных нарушений.